

Наверное, Екатерина Максимова самая маленькая балерина. Хрупкая до невозможности, тонкокостная и, как все балерины, ходит, развернув ноги и животиком вперед. Но эта хрупкость вся-ма обманчива...

— Когда в детстве я смотрела на крутящуюся волчком балерину, меня мучил один вопрос: можно ли свалиться с фуэте или пируэта?

— Можно, можно. И свалиться и не сделать их. Случалось, что и я падала. Между прочим, я вот вспоминаю замечательную плеяду танцовщиков: Семенову, Уланову, Лепешинскую, Плисецкую, Ермолаеву, Габович. Как ни странно, они все падали. Но это происходило и происходит из-за такого эмоционального состояния, когда на порыве, вылетаешь на сцену, когда захлестывает темперамент и некогда осмотреть под ноги. А когда артист «чисто оттанцовывает»... мне этого мало. В искусстве должно быть еще кое-что.

— Вот интересно: в распоряжении балерины всего несколько движений — па-де-бурра, плие, фуэте... Но как, например, с таким хилым набором говорить о любви?

— Нельзя говорить о том, что первый арабеск означает «я тебя люблю», а второй арабеск «я тебя не люблю». Это чушь. И Аврора в «Спящей красавице» встает в арабеск, и Одетта, и Китри тоже. Важно, как его оделать. Балет как раз состоит не только из движений, но и из мимики, пластики, музыки. И если все это сливается воедино, то вы будете сидеть в зале и сопереживать с тем, что я делаю на сцене. А если этого нет, то тогда это не искусство, а — язык глухонемых.

— А вершина любви — Джульетта?

— До Джульетты вообще надо дорасти. Я, например, долго боялась взяться за эту роль. Нужно сначала очень многое в жизни понять, прожить, пережить, а потом танцевать Джульетту.

— Что же такое пережила женщина, о которой после премьеры «Ромео и Джульетты» все газеты писали, захлебывались эпитетами: «Символ красоты, лиричная, романтическая, неповторимая»?

— У меня были в жизни разные ситуации. Но есть вещи, о которых я не хочу вспоминать... Это сидит внутри меня и касается только меня... Жизнь, которая прожита, — она моя, и я ни в коем случае не отказываюсь ни от хорошего, ни от плохого в ней. Просто я хочу, чтобы жизнь шла дальше и приносила новое. Знаете, я даже не хочу, чтобы меня снова было двадцать лет.

— И влюбиться как в первый раз, чтобы потерять голову...

— Нет, как в первый раз, не хочу и невозможно уже, я думаю, я другая. Чтобы потерять голову, я даже не знаю, какой человек должен появиться на моем пути. Что-то сверхнеобыкновенное? Но вокруг... я не вижу такого. И потом, у меня есть принцип, который меня вполне устраивает.

— «Устраивает» — глагол не королевских кровей.

— Может быть, я неточно выразилась. Но Володя — это тот, кто для меня самый лучший. Если его не будет рядом, я многое потеряю, а может, и вообще растеряюсь...

— «И женщина, с которой не ляжешь, одним прыжком... Знаете, Катя, когда я это прочла у Бродского, то подумала, что будь я на месте балерин, то от таких строчек точно бы пришла в ярость.

— Ну, знаете... Я бы не сказала, что балерины уж так обездолены в своей женской участи. Наоборот, желающих больше, чем нужно. Бродский — хороший поэт, но с кем он спит, меня не волнует.

— Долгое время Большой театр, где вы работали, считался поставщиком гейш для правительства. Тем более что на протяжении десятилетий только в балете можно было видеть малопримечательную одежду женщины. Так ли это?

— Я эту точку зрения не разделяю. Есть балерины необыкновенно целомудренные: дом, семья, и никаких мыслей о любовниках. Есть и другие.

ЗВЕЗД ПРОСТО ТАК НЕ ВЫЧЕРКНЕШЬ

Екатерина Максимова — 1993. — 18 дек. — с. 3

— Катя, но вам отлично знакома история: царская семья, балерина Кшесинская, придворный балет Людовика, совнаркомовцы, любившие хаживать в кардебалет...

— Примеров действительно много, но просто артистический мир на виду, и уверяю вас, что в любой бухгалтерии найдется женщина, к которой придет начальник и позовет: «Маш, пойдем». И она пойдет, а другие откажутся.

Но внимание к балеринам Большого театра — как раз ответ на реплику Бродского: «Женщина, с которой не ляжешь», надо же такое придумать... Балерины всегда пользовались у мужчин большим успехом. Это, знаете, красиво — ухаживать за балериной: принести цветы, пригласить в ресторан и провести вечер в ее обществе.

— А вы лично чувствовали на себе правительственное внимание?

— Постель не предлагали. Комплименты говорили, цветы подносили... И потом... у меня такая ограда — муж, с которым мы вместе с 1961 года, а партнеры с 1958-го. Даже когда я одна появляюсь где-то и ко мне подходят незнакомые мужчины (даже без особых намерений), то я чувствую, как меня начинают оберегать: «Не дай бог, если Володя...».

— Мне всегда казалось, что для балерины иметь ребенка — преступление перед искусством. А не иметь его — перед жизнью. Как тут быть?

— Какое преступление. Очень многие рожают. И я очень хотела иметь детей, но не родила не потому, что я балерина, а потому, что не получалось. Это мои женские проблемы, не профессиональные. Плисецкая не любит детей, а у Наташи Макаровой есть сын, и у большинства балерин есть дети. Это заблуждение.

— А вам не страшна такая ситуация, с

которой я недавно столкнулась на спектакле Большого, правда, на оперном, «Какой тебе годок, Лаура?», — спрашивает Дон Жуан партнершу. «Осемнадцатый пошел», — отвечает ему певица, которой за пятьдесят. И зал грохнул. А как в балете?

— Страх такого нет. В театре не всегда и не все решает возраст. Естественно, что сейчас я не могу танцевать «Дон Кихота», я его физически не потяну. Но у меня остались спектакли, которые меня интересуют актерски. Это — «Анюта», «Евгений Онегин». Да и потом — я ведь дотанцовываю. Честно говоря, я бы давно ушла, но меня многие годы уговаривали: вот сделай этот спектакль и тогда закончишь. А потом следующий подходит, и работа продолжалась.

— «Классический балет — искусство прежних дней» — это тот же Бродский, между прочим. И я с ним согласна, когда,

— Обида? Да, но не личная. Мы-то были в порядке. Скандал не вызвал творческих проблем, и даже благодаря ему (как это ни цинично звучит) Васильев поставил массу спектаклей в Москве и других театрах мира. Я работала с известнейшими хореографами, сняли несколько картин. Мы не были обездолены, и это бесило руководство театра.

Но вы поймите, мы — то самое поколение, которое было и остается больно театром. С первого класса три-четыре раза в неделю мы участвовали в спектаклях театра, и неважно, в каких ролях были заняты. Мы впитывали его атмосферу, знали всех артистов. А сейчас этой связи «школа — театр» — нет.

«Новых постановок нет, а спектакли в том виде, в каком они идут, — не на том уровне», — говорили мы тогда руководству Большого. «Сами не ставите — пригла-

Фото Александра Изотова.

хальченко, Павлова, Семизорова? Разве они реализовали себя?

Простите, но Большой театр совершает еще одно преступление — он собирает лучшее со всего Союза (теперь бывшего), и что? Я вижу, как в других театрах люди менее способные делают карьеру, чего-то добиваются, а в Большом, увы...

— Скажите, Катя, а в области балета мы по-прежнему впереди планеты всей?

— Нет, уже не впереди, а где-то там...

— А вы не боитесь, что после этих слов о Большом вы больше не будете танцевать «Анюту» — единственный ваш спектакль, оставшийся в репертуаре Большого?

— Нет, не боюсь.

— Фактически, потеряв дом, каким для вас долгое время был Большой...

— Сегодня театр, в котором я жила, не тот. Люди приходят туда сейчас по другому поводу, и не потому, что они неталантливы, а потому, что их так воспитали и воспитывают. Для них нет Синей птицы, за которой надо идти. А есть зарплата, поездки за границу, машины, квартиры. Вывеска осталась: «Большой театр», который еще приглашают.

Я не знаю, может быть, время у нас сейчас такое — депутаты хватают, артисты хватают, лишь бы что-то ухватить...

— А если бы вас сейчас позвали в Большой, юбилей устроили, как Галине Вишневской?

— Нет, не пошла бы. При той ситуации, которая там сейчас существует. Даже за большие деньги. Поймите, я живу и работаю по другому поводу.

— Я не договорила вторую часть своего вопроса: потеряв дом, вы приобрели новый?

— «Кремлевский балет» — сейчас мой дом. Я не говорю о том, что мы с этой труппой достигли каких-то особых высот. Мы только начинаем, артисты молодые. Но атмосфера творческая, и я чувствую, что нужна им. Есть оригинальные постановки, есть классические спектакли, которые мы сделали для того, чтобы дать им школу.

— Катя, вы сказали, что уже дотанцовываете. Вообще-то это очень грустно слышать о балерине: как будто бабочка замерзла или маленький эльф сломал ножку... И потом, есть же примеры — Майя Плисецкая, которая продолжает танцевать. Не рано ли собрались?

— Рано или не рано — это вообще сложно сказать. Действительно, есть Плисецкая, есть Алисия Алонсо, которая еще дольше танцевала, и я не зарекаюсь, что завтра уйду. Если вдруг появится какой-то балетмейстер и предложит мне работу, которой я загорюсь, то, может быть, я еще и станую. Но сейчас я занимаюсь педагогической деятельностью. И это мне интереснее, чем то, что я сама делаю на сцене. Интересно работать с ними и видеть, как они растут. Может быть, то, что я не договорила на сцене, они договорят?

например, на спектакле Большого вижу как бы оживший музей: напудренные танцоры, картинные жесты...

— Если бы он был искусством прежних дней, то он бы умер. Но балет живет сегодня, и артисты играют сегодня, и сегодняшние зрители смотрят и слушают музыку. Зачем-то люди все же приходят на классический балет? А музейность, о которой вы говорите, — это несчастье нашего театра. В балетном искусстве действительно есть такая тенденция, при которой из балета уходит танцевальность, эмоциональность. И если танцовщик забывает, что он артист, а делает какие-то свои трюки (свертеть пируэт, повыше прыгнуть), то извините, он мне неинтересен. Когда из спектакля в спектакль с одним и тем же выражением лица он их повторяет, то тогда я не понимаю, чем «Корсар» отличается от «Лебединого озера», а «Дон Кихот» от «Жизели».

— Возможно, вы так говорите о спектаклях Большого театра, потому что находитесь в обиде на него и до сих пор помните скандал, связанный с нашими именами?

сите молодых, пригласите, в конце концов, режиссера из-за границы. Но труппа должна работать». Это говорили мы с Володей, Плисецкая, Либа, Лавровский, те, кому не так просто было заткнуть рот, и вот тогда нас стали выгонять одного за другим.

— Формально выгнали?

— Звезды — не артисты кордебалета, которые тоже все понимали, но боялись поднять голос. Звезд просто так не вычеркнешь из жизни. И тогда Министерство культуры (в то время там командовал Захаров) разработало специальное положение, согласно которому все артисты Большого театра обязаны были пройти аттестацию для продления контракта. В то время мы находились за границей и заочно нас признали негодными.

Но все равно я люблю Большой театр больше всего на свете. Именно поэтому у меня за него болит сердце. Я знаю его труппу — она одна из лучших в мире. Но то, что там гибнут актеры, — это факт. После нашего поколения, скажите, какие звезды появились? Разве были плохие, неспособные артисты — Семеняка, Ми-